

УДК 81'37(02)

UDC 81'37(02)

**ОЦЕНОЧНЫЙ АСПЕКТ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ****EVALUATIVE ASPECT
OF LEXICAL SEMANTICS**

А. А. Романовская,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры
славянских языков МГЛУ*

A. Romanovskaya,
*Doctor of Philology,
Professor of the Department
of Slavic Languages, MSLU*

Поступила в редакцию 14.04.22.

Received on 14.04.22.

В статье представлена концепция оценки применительно к описанию определенного фрагмента лексики. Лексико-семантическое пространство образуется в результате взаимодействия элементов, отражающих, во-первых, объективную сторону действительности и, во-вторых, ценностные характеристики объективных свойств мира.

Ключевые слова: дескрипция, оценка, дескриптивность, оценочность, дескриптивная семантика, оценочная семантика, лексико-семантическая группа.

The article presents the concept of evaluation applied to the description of a certain fragment of vocabulary. Lexical-semantic environment is created as a result of interaction of elements that reflect, firstly, the objective side of reality and, secondly, the evaluative characteristics of objective properties of the world.

Keywords: description, evaluation, descriptiveness, evaluativeness, descriptive semantics, evaluative semantics, lexical-semantic group.

Язык представляет собой отражение тех условий, в которых существует, развивается и совершенствует свою речь человек. В этом ракурсе чаще всего ставятся вопросы о сущности содержательной стороны языковых единиц, о семантике языка вообще, связанной, вместе с областью сознания, с внеязыковой действительностью. При переносе этих представлений в сферу коммуникации основной функцией языка, естественно, считается передача от одного участника общения другому информации, соответствующей объективным результатам познавательной деятельности.

Вместе с тем в языке не только отображается феномен познавательной деятельности человека, но получают свое выражение и дополнительные моменты, связанные с особой преобразовательной деятельностью человека благодаря различным внутренним импульсам. Иными словами, в системе и в функционировании языка объективное и субъективное находятся в тесном взаимодействии. Известно, что в теории языковых функций Р. О. Jakobson этот тезис занимает важное место. В этой теории особой ролью наделяется субъект коммуникации: он не просто является отправителем нейтральной (объективной) информации другому участнику общения, но и выражает свое отношение к этой информации. Отсюда и особая функция языка, которую Р. О. Jakobson называет эмотивной [1].

Эта сторона теории Р. О. Jakobson подчеркивается многими исследователями, занимающимися проблемой отражения в языке и речи особой позиции субъекта. Так, В. И. Шаховский отмечает, что в лексическом значении есть денотативные и эмотивные семы и между этими

семами существует причинно-следственная связь: определенные денотативные семы индуцируют эмотивность. Сводя содержание коннотации к эмотивности, автор выделяет даже специальные единицы языка, значение которых указывает на связь с эмотивностью [2, с. 41–42].

Такого же взгляда относительно позиции субъекта придерживаются и многие другие авторы. Характерна в этом отношении позиция Л. А. Новикова. По его мнению, эмотивная (экспрессивная) функция языка сосредоточена на адресанте (говорящем). Ее цель – выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит. Эмотивная функция реализует особый аспект лексического значения, а именно эмоциональные характеристики со стороны субъекта [3, с. 125].

Изучение эмотивного содержания языковых единиц соотносится с более общим, прагматическим подходом. В концепции Л. А. Новикова, как можно наблюдать, прагматическое (эмотивное) значение (или прагматический аспект лексического значения) представляется как закрепленное в языковой практике отношение говорящих к употребляемым знакам и соответствующее воздействие знаков на людей. Другими словами, отношение к языковым единицам со стороны членов языкового коллектива заключено в прагматическом, или, как он по-другому называет, эмотивном значении.

Но с отождествлением прагматического и эмотивного в значении слова вряд ли можно согласиться. Для лексико-семантического анализа, по нашему мнению, полезнее разграничивать прагматическое и эмотивное. Термин *прагматика* имеет широкий смысловой объем. Он исполь-

зуется в семиотике и языкознании для обозначения подхода, при котором изучается функционирование языковых знаков в речи.

Очевидно, что здесь мы имеем дело с гораздо более широким ракурсом, чем это предполагается ролью субъекта. Термин *эмотивность* появился не в рамках теории знаковости, а в рамках теории функций языка. Если речь идет о прагматике, то имеется в виду отношение: говорящий (адресант) – знак. Сюда, в частности, могут включаться и вопросы выбора знака в целях воздействия на слушающего. Это затрагивает уже конативную функцию. Если же речь идет об эмотивности, то подразумевается отношение адресанта к выбору смысла, характеризующего факт действительности. Но это, во-первых, более узкая сфера, во-вторых, здесь подход ограничен собственно семантикой.

С Л. А. Новиковым можно согласиться в том, что в обоих употреблении на первом месте оказывается роль адресанта. Но в строго теоретическом смысле прагматика ориентирует на семиотическое отношение (адресант-знак, с возможным подключением к сфере адресата), а термин эмотивность – на семантическое отношение адресант-смысл, которое в принципе предполагает лишь роль адресанта. На этом основании можно отдать предпочтение термину эмотивность как более адекватному.

Термин эмотивность также вызывает несколько вопросов в связи с развитием этого направления в языкознании, основные предпосылки которого покоятся в некоторых философских и логических концепциях. Мы имеем в виду понятие *оценки*, которое, благодаря общей ориентации современной лингвистики на коммуникативные аспекты языка, вызывает к себе большой интерес. Об этом свидетельствует возрастание числа публикаций как по теории вопроса, так и по анализу конкретного материала. Остановимся на работе Н. Д. Арутюновой, в которой изучены и исторические корни этого подхода, и его место в современной лингвистической проблематике, а также предложены на обсуждение некоторые возможные пути развития этой теории [4].

Укажем вначале, что для Н. Д. Арутюновой оценка есть наиболее яркий представитель прагматического значения в том смысле, что она зависит от говорящего субъекта. Оценка выражает личные мнения и вкусы говорящего, а они различны у разных людей. Во внутреннем мире человека оценка отвечает мнениям и ощущениям, желаниям и потребностям, долгу и целенаправленной воле. Оценочное значение, таким образом, ориентировано прежде всего на говорящего субъекта, оно является функцией роли говорящего в речевом акте. Нетрудно заметить, что при таком понимании термин *оценочность* выступа-

ет как эквивалентное обозначение для понятия эмотивности, по Р. О. Якобсону. Можно указать на еще один момент, позволяющий углубить представление об определенной симметричности понятий оценочности и эмотивности. Это их соотношение со значениями, которые фиксируются воспринимаемые человеком черты объективного мира.

У Р. О. Якобсона эти значения характеризуются как денотативные, референтивные. Н. Д. Арутюнова, продолжая своими исследованиями логико-лингвистическое направление, предпочитает термины дескрипция, дескриптивное значение.

Полагаем, что более корректными являются термины оценочность и дескриптивность. Это объясняется не только желанием соотносить задачи с определенной научной концепцией, но и с некоторыми соображениями по существу. Термин эмотивность, очевидно, связывается с понятием эмоциональности, что вполне обосновано, так как речевое поведение субъекта часто оказывается под воздействием его эмоций. Но субъективная сторона высказывания часто определяется и другими факторами, взаимодействующими с объективными моментами. Ведь здесь мы имеем дело с собственно человеческими категориями, которые складываются в разнообразных условиях общения. *Субъективность* высказывания – это выраженное в словесной форме ценностное отношение субъекта (человека, коллектива) к окружающей действительности (к предметам, явлениям, людям, процессам, состояниям и т. п.). Эмоциональная сторона, как правило, может отступать на второй план в пользу эстетических, этических, утилитарных, интеллектуальных и других компонентов значения. С учетом подобных фактов термин эмотивность оказывается недостаточно емким, более адекватным представляется термин *оценка*. Корректным мы считаем также термины дескрипция, дескриптивность в силу наметившейся их корреляции с термином оценка и по причине чрезмерно широкого содержания, которое вкладывается в термины денотативный, референтный, информационный и т. д.

Для лучшего понимания сути теории оценки полезно обратиться к наиболее ранним высказываниям по этой проблеме. Интересна в этом смысле статья Э. Сепира «Градуирование. Семантическое исследование». При изучении реальных языковых форм необходимо признавать, что они никогда не выражают просто статические, эмоционально нейтральные понятия и суждения, а выражают классы понятий и суждений, в которых ядерные элементы окрашены динамическими и эмоциональными определениями. Эти определения необходимо тщательно выявлять, устанавливая конфигурацию их

шкалы или типов так, чтобы ядерные понятия выступили с полной логической четкостью и строгостью [5, с. 71].

Это высказывание интересно тем, что в нем уже очерчено главное в теории оценки – фактически это отношение субъективного (оценочного) к тому, что сегодня определяется как дескрипция, а Э. Сепир называет статическими, эмоционально нейтральными понятиями и суждениями. Но здесь же мы обнаруживаем и один из спорных, до сих пор неясных моментов: каков статус оценочной семантики и шире – оценочных средств – относительно системы языка? Можно ли рассматривать оценку только как проявление неустойчивых речевых фактов или и здесь возможно видеть какое-то организующее начало и структурные потенции?

Э. Сепир склонен рассматривать оценочные явления лишь как динамические и эмоциональные элементы, сопутствующие ядерным понятиям. Такой подход обнаруживается и сегодня. Сравним характерное утверждение, суть которого заключается в том, что значение дескриптивных слов может получить контекстно независимое определение, в то время как раскрытие недескриптивных значений неотделимо от их употребления в высказываниях [4, с. 51].

С таким утверждением трудно согласиться, особенно если учесть, что многими исследователями выделены специальные лексические средства, полностью привязанные к оценочной семантике. Такие средства квалифицируются как слова общей оценки или даже абсолютной оценки. Это прежде всего слова, соответствующие семантическому противопоставлению хорошо / плохо или, в плоскости прилагательных, хороший / плохой. Позиция Н. Д. Арутюновой тем более нуждается в уточнении относительно того, что в той же ее работе цитируется Г. Х. фон Вригт, высказавший идею об особом типе оценки: «хорошее и плохое, добро и зло» [4, с. 61] и, более того, анализируются слова (они принадлежат к разным частям речи), в которых соответствующим образом кристаллизуется чисто оценочная семантика [4, с. 195, 199–202].

В известном смысле такие же колебания показывает Е. М. Вольф, но все же ей более свойственно видеть в оценочном значении не только случайные субъективные проявления, выделяемые благодаря контексту, но и устойчивые семантические величины. По ее мнению, в одной лексической единице оценочные значения существуют с ее дескриптивными значениями, образуя сложное семантическое целое. Соотношение дескриптивного и оценочного аспекта в одной лексеме может быть различным: в одних единицах преобладает дескриптивное значение, в других – оценочное, в третьих они более или менее равноправны [6, с. 276].

Отметим также позицию В. И. Шаховского, для которого, как можно судить по некоторым его высказываниям, оценочные значения, характеризующаясь разной степенью собственной лексической оформленности, могут получать, следовательно, специальные формы словесного выражения. Именно в таком смысле, по нашему мнению, можно трактовать его высказывание о том, что оценочные компоненты могут присутствовать в чистом виде в денотативном аспекте семантики [2, с. 55].

Дескриптивный аспект оценочной семантики в чистом виде, очевидно, находит наиболее полное выражение в лексических средствах абсолютной, или общей, оценки «хорошо / плохо».

Если попытаться определить положение абсолютной оценки в общей структуре лексики, то можно предположить, что эта лексика должна занимать там особо отведенное ей место. Она не может включаться в структуру какой-либо конкретной лексико-семантической группы, имея большой объем оценочности. У нее должны быть самостоятельные позиции в том смысле, что оценочные слова сами формируют ЛСГ полевого типа. Это предположение подтверждается практикой лексикографического описания системы словаря. Так, в минимальном идеографическом словаре Ю. Н. Караулов выделяет поле «Хороший»: *хороший, положительный, отличный, прекрасный, чудесный, славный* – и соответственно поле «Плохой»: *плохой, отрицательный, худой* [7, с. 290, 297]. В этой работе Ю. Н. Караулов исходит из представления о том, что идеографическая схема лексики представляет собой ономаσιологическое выражение системы словаря [7, с. 22]. Иными словами, оценочная лексика общего характера получает в системе особое структурное место.

Сложнее дело обстоит с частнооценочной лексикой. Эта проблема разработана слабо. Фактически здесь намечаются пути подхода в виде примерных классификаций частнооценочных значений, которые предстоит проверять на материале конкретных исследований.

Такова классификация, предложенная Н. Д. Арутюновой. В соответствии с этой классификацией, частнооценочные значения разделяются на три группы. В *первую* группу входят сенсорные оценки, то есть оценки, связанные с ощущениями, чувственным опытом – физическим и психическим. В более конкретном плане это сенсорно-вкусовые (гедонистические) оценки и психологические (интеллектуальные и эмоциональные) оценки. Оценки этой группы проистекают из того ощущения, которое, независимо от воли и самоконтроля, испытывает человек. *Вторую* группу образуют оценки двух категорий – эстетические и этические. Эти оценки связаны с удовлетворением нравственного чувства. *Тре-*

тью группу составляют рациональные оценки (утилитарные, нормативные и телеологические). Эти оценки связаны с практической деятельностью человека [8, с. 14–15].

Подобные классификации могут вызвать к себе немало критических замечаний (почему, например, особо выделяются сенсорно-вкусовые оценки, хотя очевидно, что диапазон сенсорных оценок не ограничивается сферой вкуса). Но дело не только в этом. Совершенно недостаточно изучены вопросы, касающиеся способов выражения такой семантики, ее соотношения и взаимодействия с другими категориями значений (лексических и грамматических). Полагаем, такое положение в немалой степени объясняется тем, что до сих пор изучение лексики в системно-структурном плане ориентировалось преимущественно на дескриптивную семантику. И если общеоценочная лексика оказывалась предметом внимания со стороны лексиколога, то она рассматривалась обычно так же, как и лексика дескриптивная. Тем не менее есть основания полагать, что при несомненной универсальности категории оценки (вряд ли существует язык, в котором отсутствует представление о «хорошо / плохо»), в способах выражения оценочных значений языка проявляют свою индивидуальность [9, с. 9]. Более того, в пределах лексики одного и того же языка способы выражения оценочной семантики могут варьировать от одной части словаря к другой, в зависимости от принадлежности слова к той или иной части речи. Так, если говорить о распределении прагматического признака оценки в системе частей речи, то очевидно, что оценочность является в первую очередь характеристикой прилагательных [6, с. 275]. Но в рамках одной и той же части речи, на материале разных лексико-семантических групп полевого типа можно видеть различия, порой очень существенные, в том, как выражаются оценочные значения. Для доказательства этого тезиса сравним ЛСГ прилагательных, системно-структурные отношения в которых организуются на основе теории поля, с привлечением метода дефиниционного анализа. Итогом этого сравнения оказался вывод о том, что по способам выражения оценки лексико-семантические группы прилагательных полевого характера могут быть распределены по трем главным типам.

Первый тип – в дефиниции основного значения только дескриптивные элементы. Такова, например, ЛСГ прилагательных, обозначающих цвет (*белый, зеленый, черный* и др.). Дескриптивные элементы: *цвета снега или мела, цвета травы, листья, цвета саж, угля*, оценочные элементы отсутствуют.

Второй тип – в семантической структуре оценочные элементы образуют основное значение совместно с дескриптивными элемента-

ми, но те и другие в общей структуре этого значения достаточно дискретны. Такова, например, ЛСГ прилагательных, обозначающих вкус (*горький, кислый, сладкий, соленый, приторный* и др.). Фактически такие прилагательные относятся как к дескриптивной, так и к оценочной лексике.

Третий тип – в структуре основного значения содержатся и дескриптивные, и оценочные элементы, но эти элементы присутствуют в значении не раздельно, а слитно, в отличие от прилагательных второго типа. Следовательно, здесь речь идет о синкретизме дескрипции и оценки в семантике прилагательных физической силы. К третьему типу относятся ЛСГ прилагательных, специфику которых можно проиллюстрировать примерами имен прилагательных, обозначающих физическую силу: *сильный, значительный, мощный, малосильный, слабый* и др.

Обозначенную в статье проблему можно считать актуальной и в силу того, что оценочность изучается применительно к лексико-семантической группе. Это заслуживает внимания потому, что здесь сложилась довольно противоречивая ситуация. С одной стороны, допускается возможность оценочной семантики в качестве вторичной по отношению к семантике дескриптивной. В этом случае, следовательно, оценочные значения как бы вкрапливаются в общую семантическую площадь лексико-семантической группы. С другой стороны, встречается и такое понимание, при котором оценочность считается закрепленной за определенными сферами лексики.

При описании основных форм взаимодействия исходных (дескриптивных) и производных (оценочных) элементов в семантике определенной ЛСГ оценка рассматривается не как стихийное проявление субъективного фактора, а в ее внутренней обусловленности и зависимости от дескриптивного основания данной лексико-семантической группы. Из этой установки следуют некоторые новые тезисы более частного порядка, такие, например, как типология лексико-семантических групп в зависимости от характера соотношения дескриптивной и оценочной плоскостей в их общем содержательном потенциале, роль оценочного фактора в формировании словарных блоков, состоящих из целого ряда взаимодействующих лексико-семантических групп.

Оценочность в лексике, рассматриваемой в плане языка, представляет собой не случайное, а закономерное свойство. Оценочные элементы распределяются определенным образом по семантической площади определенной ЛСГ. Оппозитивные отношения в системе дескриптивных значений ЛСГ укрепляются благодаря оценочным элементам семантики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / сост. М. Я. Поляков; под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. – М., 1975. – С. 193–230.
2. Шаховский, В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учеб. пособие / В. И. Шаховский; Волгогр. гос. пед. ин-т. – Волгоград: Изд-во ВГПИ, 1983. – 94 с.
3. Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. – М.: Высш. шк., 1982. – 272 с.
4. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова; Ин-т языкознания АН СССР; отв. ред. Г. В. Степанов. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
5. Сепир, Э. Градуирование. Семантическое исследование / Э. Сепир // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. – М., 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика / сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой; общ. ред. Е. В. Падучевой. – С. 43–78.
6. Вольф, Е. М. Варьирование в оценочных структурах / Е. М. Вольф // Семантическое и формальное варьирование / В. Н. Ярцева [и др.]; Ин-т языкознания АН СССР; отв. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1979. – С. 273–294.
7. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов; Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Наука, 1976. – 355 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики: сб. ст. / Ин-т рус. яз. АН СССР; отв. ред. В. П. Григорьев. – М., 1984. – С. 5–23.
9. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф; Ин-т языкознания АН СССР; отв. ред. Г. В. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 230 с.

REFERENCES

1. Jakobson, R. O. Lingvistika i poetika / R. O. Jakobson // Strukturalizm: «za» i «protiv»: sb. st. / sost. M. Ya. Polyakov; pod red. E. Ya. Basina, M. Ya. Polyakova. – M., 1975. – S. 193–230.
2. Shahovskij, V. I. Emotivnyj komponent znacheniya i metody ego opisaniya: ucheb. posobie / V. I. Shahovskij; Volgogr. gos. ped. in-t. – Volgograd: Izd-vo VGPI, 1983. – 94 s.
3. Novikov, L. A. Semantika russkogo yazyka / L. A. Novikov. – M.: Vyssh. shk., 1982. – 272 s.
4. Arutyunova, N. D. Tipy yazykovykh znachenij: ocnka, sobytie, fakt / N. D. Arutyunova; In-t yazykoznanija AN SSSR; otv. red. G. V. Stepanov. – M.: Nauka, 1988. – 341 s.
5. Sepir, E. Graduirovanie. Semanticheskoe issledovanie / E. Sepir // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: sb. st. – M., 1985. – Vyp. 16: Lingvisticheskaya pragmatika / sost. i vstup. st. N. D. Arutyunovoj, E. V. Paduchevoj; obshch. red. E. V. Paduchevoj. – S. 43–78.
6. Vol'f, E. M. Var'irovanie v ocenocnykh strukturah / E. M. Vol'f // Semanticheskoe i formal'noe var'irovanie / V. N. Yarceva [i dr.]; In-t yazykoznanija AN SSSR; otv. red. V. N. Yarceva. – M., 1979. – S. 273–294.
7. Karaulov, Yu. N. Obshchaya i russkaya ideografiya / Yu. N. Karaulov; In-t yazykoznanija AN SSSR. – M.: Nauka, 1976. – 355 s.
8. Arutyunova, N. D. Aksiologiya v mekhanizmah zhizni i yazyka / N. D. Arutyunova // Problemy strukturnoj lingvistiki: sb. st. / In-t rus. yaz. AN SSSR; otv. red. V. P. Grigor'ev. – M., 1984. – S. 5–23.
9. Vol'f, E. M. Funkcional'naya semantika ocenki / E. M. Vol'f; In-t yazykoznanija AN SSSR; otv. red. G. V. Stepanov. – M.: Nauka, 1985. – 230 s.